

преимущественно как индивидуальный, а не корпоративный, возникший правовой институт был сформирован в виде института лицензирования профессиональной деятельности. В ходе развития правового института в XX в. имело место неизбежное расширение границ его регулирования за счет деятельности предпринимательских образований. Однако данные тенденции сказались на предмете регулирования, но не изменили его объект – лицензирование предпринимательской деятельности не исключало лицензирования профессиональной деятельности физических лиц. Следовательно, к началу XX в. лицензирование приобрело принципиально иные черты и основывалось на саморегулировании профессионального сообщества.

С первой четверти XX в. возросла роль лицензирования как формы регулирования деятельности юридических лиц, а потом и корпораций, распространяющих свою деятельность на всю территорию США. В этот период регулирование было дифференцировано, каким оно и остается по состоянию на начало XXI в. При лицензировании различных видов деятельности применяется как широкое профессиональное самоуправление, так и прямое государственное регулирование, а также широкий спектр других форм регулирования, неизвестных белорусскому праву.

Исследуя опыт США, нельзя не учитывать, что в силу применения в большинстве штатов англо-саксонской правовой доктрины и судебной практики, основанной на прецедентах, сравнение системы права в Республике Беларусь и США сложно, а по ряду вопросов и невозможно. Вместе с тем, законодательство о лицензировании США представляет чрезвычайный интерес с точки зрения целого ряда теоретических и практических обстоятельств. Практика различных штатов, а также практика федеральных судов демонстрирует различное понимание аналогичных вопросов. В условиях применения разными штатами, а часто и разными территориальными единицами в пределах одного штата, различных механизмов регулирования в сходных экономико-социальных условиях, полученные результаты при примере различных штатов позволяют сравнить и оценить эффективность разных управленческих решений.

А.Н. Поболь

УО «Академия МВД РБ» (г. Минск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Механизм государства есть та реальная материальная сила, располагая которой государство осуществляет власть. Он является структурным и предметным олицетворением государства, представляет собой материальный каркас, из которого оно состоит. Под механизмом государства принято понимать целостную иерархическую систему государственных органов, учреждений и организаций, осуществляющих государственную власть, задачи и функции государства. Однако современная юридическая наука помимо этого оперирует терминами «механизм осуществления функций государства», «механизм реализации функций государства», а также «механизм осуществления публичной власти».

Утверждается, что приведенная терминология применяется в основном при характеристике государств с демократическим политико-правовым режимом, связанным с вовлечением широких масс населения в осуществление управленческих функций в обществе, в то время как авторитарное и тоталитарное государство в реализации своих функций опирается исключительно на государственный аппарат, который в отрыве от участия в его деятельности и контроле над ним со стороны населения превращается в аппарат насилия.

В контексте применяемой терминологии под государственным механизмом понимается система объединенных структурными и функциональными связями институтов, деятельность которых направлена на достижение целей и решение задач, определяемых системой функций государства, либо предлагается использовать термин «механизм

реализации функций государства» как некое интегративное целостное образование организационных и правовых элементов, посредством которого субъект государственного управления формирует управляющую систему, призванную в ходе управленческого процесса практически осуществлять функции государства.

Следует отметить, что использование нового категориального аппарата (механизм осуществления функций государства, механизм реализации функций государства, механизм осуществления публичной власти) применительно к исследуемой проблеме характерно для постсоветского периода развития юридической науки. Действительно, механизм советского государства обеспечивал функционирование государства с недемократическим режимом и, как следствие, был не в состоянии в полной мере передать особенности современного демократического государства. Вместе с тем следует отметить, что термин «механизм государства» вполне устоялся, а ассоциации с понятием «государство – машина» не являются основанием для отказа от него. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что указанные юридические конструкции возникли в связи с попыткой деидеологизации и противопоставлением партийно-классовому подходу в исследовании механизма государства.

Анализируя одновременное использование перечисленных терминов («механизм осуществления функций государства», «механизм реализации функций государства», «механизм осуществления публичной власти»), можно сделать вывод, что употребление той или иной категории носит исключительно контекстуальный характер. Так, названные выше термины употребляются в некоторых отраслевых науках, например конституционном праве. По сути, эти термины отраслевых юридических наук совпадают с термином «механизм государства», используемым общей теорией государства и права. Они являются самостоятельными юридическими конструкциями, однако это не исключает того, что в практике применения логично считать их тождественными.

А.С. Прокопчик

УО «Военная академия Республики Беларусь» (г. Минск)

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНАДАТЕЛЬСТВУ ВКЛ

Долгое время основным источником уголовного права феодальной Беларуси являлся обычай и в сохранившихся памятниках права этого времени содержались лишь отдельные уголовно-правовые нормы. И только Судебник Казимира 1468 г. впервые преступные деяния против собственности и личности и наказаний за них сгруппировал в определенной последовательности и впервые на первый план выдвинул противоправность деяния, т.е. когда преступник совершил «проступку», «над правом сягнул», т.е. нарушил правовую норму.

Статуты ВКЛ знаменовали новый этап развития уголовного законодательства, в том числе и новые подходы определения преступления. Так, Статут ВКЛ 1529 г. рассматривает преступное деяние, прежде всего, как «кривду», а преступника как «шкодника», но уже Статут 1588 г. указывает на противоправность преступления, его общественную опасность, постыдность и греховность таких деяний, а поэтому преступник должен быть пойман и получить возмездие за свои «злые вчинки» и «свовольства».

Из содержания норм Статута следует, что преступление – это и «кривда» для потерпевшего, и «шкода» для государства. Преступив закон, злоумышленник, прежде чем понести наказание, должен предстать перед судом, так как наказание является институтом государственным. Употребляя в отношении криминального деяния термины «проступка», «выступ», законодатель имел в виду, как правило, нарушение «уставы государя», т.е. правовой нормы.

Термин «кривда» характерен для древнего права и обозначал посягательства на блага и интересы частных лиц. Сущность «кривды» в ряде случаев исчерпывалась заключающимся